

Он не был глупцом, чтобы не заметить, как Бай Шаофэн намеренно провоцирует его. Будь он благоразумнее, Цзян Юэ, после того как старейшина Цзян ясно дал понять, чтобы он избегал конфликтов с семьей Бай, должен был бы стремиться к мирному сосуществованию с Бай Шаофэном. Но сказать это легко, а сделать — трудно. Цзян Юэ прибыл в Имперскую столицу вместе с отцом с периферии. Раньше, в маленьких городах, его отец неизменно занимал высшую должность, и тогда, вдали от центра, с мощной поддержкой семьи Цзян, Цзян Юэ мог считаться местным владыкой. Теперь, оказавшись в столице, где семья Цзян укрепила свои позиции, Цзян Юэ, долгое время сдерживавший свои амбиции, был настолько поглощен своим возвышением, что даже не думал о том, чтобы склонить голову.

Сказать легче, чем сделать.

Каждое действие Бай Шаофэна явно указывало на то, что он не собирался оставлять Цзян Юэ ни капли лица. Тогда зачем Цзян Юэ было унижаться, пытаться угодить тому, кто явно не желал этого?

Цзян Мэнлинь, хотя и не понимал, зачем Бай Шаофэн вдруг решил спровоцировать Цзян Юэ, изначально не собирался вмешиваться. Запутанные отношения между этими мелкими группировками было трудно разобрать со стороны. Бай Шаофэн всегда проявлял заботу о Цзян Мэнлине, но тот не был тем, кто станет лезть в чужие дела без причины.

Однако его невмешательство не означало, что Цзян Юэ оставит его в покое.

Видимо, решив убить одной птицей двух зайцев, Цзян Юэ, окинув взглядом толпу, остановил свое внимание на Цзян Мэнлине, сидящем рядом с Бай Шаофэном. Причина была проста: среди известных молодых людей столицы, будь то в бизнесе или политике, даже если они были знакомы лишь поверхностно, Цзян Юэ бы точно не ошибся. Цзян Мэнлинь был абсолютно новым лицом, и среди тех, кто недавно возвысился после крупных событий в столице, не было никого, кто бы внезапно появился из ниоткуда. Это ясно указывало на то, что Цзян Мэнлинь не был местным.

Пока это не было связано с теми, кто обладал абсолютной властью, Цзян Юэ не видел причин для беспокойства. Хотя старейшина Цзян придерживался принципа умеренности, его статус говорил сам за себя. Кроме Бай Шаофэна, кто еще мог заставить Цзян Юэ считаться?

Сейчас открыто конфликтовать с Бай Шаофэном было явно неразумно. Цзян Юэ прищурил свои узкие глаза, улыбка играла на его губах. Никто не предложил ему места, но он не обиделся, уверенно открыл дверь и хлопнул в ладоши, вызвав группу приятелей, ожидавших снаружи. Несколько нерешительных парней вошли в комнату, молнии на их брюках были расстегнуты, и даже дурак мог догадаться, чем они занимались до этого.

— Ой, господин Бай, это правда, давно не виделись... — один из тех, кто ранее звонил Цзян Юэ, чтобы сообщить о происходящем, вежливо поздоровался. Получив от Цзян Юэ знак, он вдруг удивленно указал на Цзян Мэнлиня. — Это новенький с мест? Откуда такой?

Цзян Юэ сделал вид, что только сейчас заметил Цзян Мэнлиня, и поднял бровь:

— Это...?

Цзян Мэнлинь слегка улыбнулся:

— Цзян Мэнлинь.

Цзян Юэ быстро перебрал в памяти все известные ему фамилии Цзян и понял, что никогда не слышал этого имени.

Часто те, кто бросает вызов и провоцирует, не являются настоящими лидерами. Напротив, те, кто прячется за спинами других, вызывают большее раздражение.

Соратники Цзян Юэ, уловив намек, начали тихо хихикать, явно насмехаясь над тем, что Бай Шаофэн общается с простолюдинами. Цзян Юэ продолжал притворяться вежливым, поздоровался с Цзян Мэнлинем, и тот ответил кивком, но не встал. Глаза Цзян Юэ потемнели, уголки его губ изогнулись в улыбке. Он наклонился к девушке, которая, стоя на коленях у столика, не решалась заговорить, и что-то шепнул ей на ухо. Вскоре девушка вышла и вернулась с подносом, на котором стояли хрустальные бокалы. Бутылка модного в то время Луи XIV была открыта, и Цзян Юэ собственноручно налил два бокала, один из которых протянул Цзян Мэнлиню.

— Мы впервые встречаемся, в следующий раз я угощу тебя в лучшем ресторане Имперской столицы. Давай выпьем!

Цзян Мэнлинь с улыбкой встал, протянул руку, чтобы взять бокал, но Цзян Юэ внезапно разжал пальцы. Бокал с грохотом упал на пол, вино разлилось, а бокал бесшумно покатился в сторону.

Улыбка на лице Цзян Мэнлиня слегка поблекла. Он задумчиво поднял взгляд и встретился глазами с Цзян Юэ.

Уголки губ Цзян Юэ изогнулись, но в его глазах не было ни капли тепла, только бесконечная насмешка.

Атмосфера в комнате мгновенно накалилась. Бай Шаофэн тоже не ожидал, что Цзян Юэ напрямую перейдет к провокации Цзян Мэнлиня, и на мгновение замер. Однако один из тех, кто вошел вместе с Цзян Юэ, быстро вскочил и, хлопнув по столу, закричал:

— Ты что это делаешь? Не уважаешь Цзян Юэ, да?!

Цзян Мэнлинь убрал руку, скрестил их на груди и спокойно посмотрел на него.

Цзян Юэ бросил своему подручному взгляд, сам же остался в стороне, делая вид, что это его не касается. Подручный, чувствуя себя защищенным, шагнул вперед, чтобы схватить Цзян Мэнлиня за руку, бормоча что-то непристойное. Цзян Мэнлинь, однако, ловко перехватил его запястье, потянул на себя, и подручный, потеряв равновесие, чуть не упал. Цзян Мэнлинь спросил:

— Ты откуда?

— Я... — парень возмутился. — Мой отец — Чжан Вэйго! Меня зовут Чжан Цзэ!

Цзян Мэнлинь все понял.

Семья Чжан была креатурой семьи Цзян, но, похоже, не пользовалась особым расположением хозяев. До того как старейшина Цзян пришел к власти, они были в почете, но после его возвышения их влияние начало угасать. Особенно после того, как старейшина Цзян отошел от дел, семья Чжан подверглась сильному давлению со стороны новых лидеров и была переведена из Субэя на должность заместителя секретаря городского комитета. Должность была

почетной, но не приносила особой выгоды. Старейшина Чжан, после завершения собрания, был переведен из Тяньцзиня в Имперскую столицу на не слишком высокую должность.

Поскольку это был ничем не примечательный парень, Цзян Мэнлинь не стал церемониться и сразу ударил его в челюсть. За это время он кое-чему научился у Сун Цинсюя, и удар был настолько сильным, что Чжан Цзэ, оглушенный, упал на пол. С трудом поднявшись, он начал кашлять, изо рта брызнула кровь, и на ковре остались два белых зуба.

Цзян Мэнлинь с холодной усмешкой отряхнул руку:

— В следующий раз, когда будешь говорить, будь вежливее. Я бью собаку, глядя на хозяина, и делаю это ради Цзян Юэ. Но если еще раз повторится, я отрежу тебе кое-что пониже.

Сказав это, он прищурился и обратился к Цзян Юэ, лицо которого мгновенно потемнело:

— Цзян Юэ, ты сам хорошо воспитан, но своих людей тоже нужно учить, чтобы они не позорили тебя.

Эти слова заставили щеку Цзян Юэ дрогнуть, и он холодно усмехнулся:

— Моих людей учить не тебе. А Бай Шаофэн, видимо, хорошо воспитан?

Цзян Мэнлинь понял, что его считают приспешником Бай Шаофэна, и это показалось ему забавным. Бай Шаофэн, напуганный внезапной выходкой Цзян Мэнлиня, поспешно махнул рукой:

— Сяо Линь не мой человек.

— Именно, — усмехнулся Цзян Мэнлинь. — Я наказываю наглую собаку, и мне не нужно разрешение Бай Шаофэна. Цзян Юэ, не обижайся, но ты не настолько важен.

Цзян Юэ почувствовал тяжесть в груди, понимая, что столкнулся с серьезным противником. В его сердце закралось подозрение относительно происхождения Цзян Мэнлиня. Но он не мог просто так уйти, потеряв лицо. Чжан Цзэ, который только что поднялся на ноги, не был столь расчетлив. Он чувствовал, что его унизили, и, едва оправившись от головокружения, начал ругаться и пытался ударить в ответ. Цзян Мэнлинь, взглянув на него, дождался, пока тот подойдет ближе, и, схватив бутылку Луи XIV, ударил его по голове. Дно бутылки было толстым, и Цзян Мэнлинь не приложил всей силы, но даже этого удара хватило, чтобы Чжан Цзэ получил серьезную травму и, упав на пол, больше не пытался встать.

Цзян Мэнлинь с холодной усмешкой бросил бутылку и, слегка скривив губы, мягко улыбнулся Цзян Юэ:

— Я уже предупреждал тебя. В следующий раз я сломаю ему кое-что пониже. Это уже который раз?

Сказав это, он широко шагнул к Чжан Цзэ, перевернул его и, не колеблясь, наступил на него.

— Прекрати! — резко сказал Цзян Юэ, наконец повернувшись и мрачно глядя на Цзян Мэнлиня. — Не стоит доводить до крайности.

— Мой отец не учил меня этому, — без тени страха ответил Цзян Мэнлинь. — Он говорил, что если кто-то обидит меня на один шаг, я должен ответить десятью. У твоего подчиненного

слишком грязный рот.

Цзян Мэнлинь был уверен, что Цзян Юэ сдастся.

<http://bllate.org/book/16657/1526599>